

Софья Прокофьева

Лоскутик и Облако

Софья Леонидовна Прокофьева

Лоскутик и Облако

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=289612

Лоскутик и Облако: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-38658-1

Аннотация

Сказочная повесть о трогательной девочке по имени Лоскутик и о настоящем Облаке, о том, как они победили злого короля Фонтаниуса I и его коварного приближенного Слыша.

Содержание

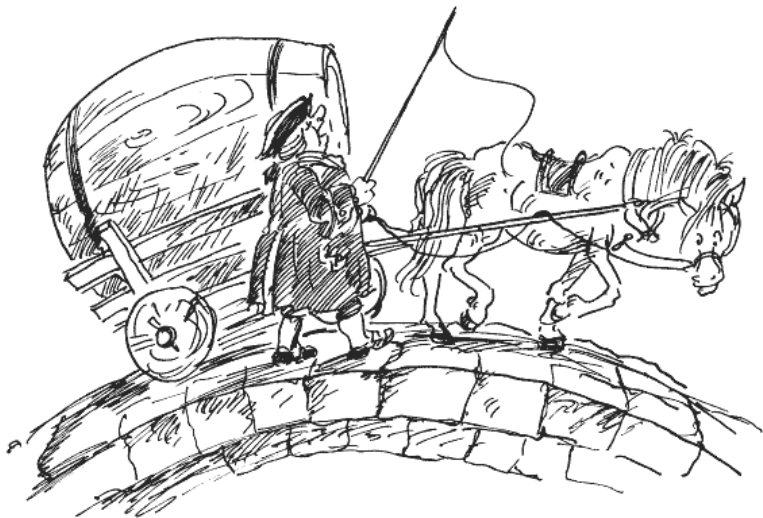
Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	32
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Софья Прокофьева

Лоскутик и Облако

Глава 1

О чём думала старая лошадь дядюшки Буля

«Ни одной травинки...» – думала старая лошадь.
Она тащила за собой тележку. На тележке большая дубо-

вая бочка с надписью: «Вода принадлежит Королю».

Под надписью королевский герб: золотое ведро и корона.

Рядом с тележкой шагал дядюшка Буль, продавец воды.

– Эй, кому воды! Ключевой, холодной! – покрикивал дядюшка Буль.

«Какой у моего хозяина пронзительный голос, – подумала лошадь, – и кнут слишком длинный. Мог бы и покороче... Нет, хороший хозяин не мог бы продавать воду. Не мог бы, и всё. Он бы отдавал её даром».

Телега прогромыхала по мосту. Но реки не было. Под мостом торчали сухие пыльные камни.

«Какой же это мост, если под ногами нет воды? – думала лошадь. – Одно название. А ведь старый филин, Ночной Философ, который в темноте прилетает на крышу моей конюшни, мне рассказывал, что раньше здесь текла река и воды было сколько угодно. Только, может быть, он уже спятил с ума от старости? Бедный Ночной Философ...»

Теперь телега катила по кривой улочке. По обе стороны стояли серые от пыли дома.

«Разве это канава? – думала лошадь. – Какая же это канава, если в ней ни травинки? Ей даже стыдно называться канавой. А деревья без листьев? Разве это деревья?»

– Мама, глоточек! – захныкал тощий мальчишка.

– Дядюшка Буль! – окликнула продавца воды бледная женщина. – Налей кружку воды моему сынишке.

– Тпруу! – крикнул дядюшка Буль, натягивая вожжи. – А

что дашь за это?

– Моток кружев, дядюшка Буль, – заторопилась женщина, – тонких, как паутинка! Ты же знаешь, какая я мастерица.

Мальчишка одним духом опорожнил кружку, а мать держала раскрытую ладонь под его подбородком, чтобы не упало ни капли.

Лошадь проехала мимо колодца, доверху заваленного большими булыжниками. Около колодца, привалясь к нему спиной, сидели два стражника: Рыжий Верзила и Рыжий Громила. От скуки плевали: кто дальше.

«Какой же это колодец, если из него нельзя напиться? – подумала лошадь. – Одно название...»

– Как дела? – поинтересовался дядюшка Буль. – Никто не про?..

– Чего – не про!.. – лениво переспросил Рыжий Верзила, приоткрыв один глаз.

– Не пробовал ли кто-нибудь отвалить камни и набрать воды?

– Днем всё тихо, – зевнул во всю пасть Рыжий Громила. – А по ночам около каждого колодца ставят пушку. Попробуй подступись!

– Эй, кому воды! Ключевой, холодной! – снова завопил на всю улицу дядюшка Буль.

Но на его крик никто не вышел из домов. Двери захлопывались, закрывались окна.

«Ни травинки, ни листка. Бедная земля. Мёртвый город.

Траву увидишь разве только во сне да за решёткой королевского парка. Как плещется вода в бочке, с ума сойти!»

Вот о чём думала старая лошадь дядюшки Буля.

Глава 2

Лоскутик

– Эй, Мельхиор! – крикнул дядюшка Буль, когда его тележка поравнялась с маленькой лавчонкой. Над дверью лав-

чонки, на кособокой вывеске, было выведено: «Иголки, булавки, разные острые вещи и всё, что пожелаете».

В дверях показался лавочник. Сразу было видно, что он торгует острыми, жёсткими и колючими вещами. Взгляд у него был колючий. Ресницы как иголки. Брови и усы похожи на жёсткие щётки.

– Говорят, подешевела водичка, – сказал лавочник и хихикнул.

– Пока нет, – грустно ответил дядюшка Буль.

– Так, значит, за одну серебряную монету два ведра? – ещё веселей спросил Мельхиор.

– За две монеты одно ведро, – совсем загрустил дядюшка Буль.

Увидев, что обмануть дядюшку Буля всё равно не удастся, Мельхиор перестал улыбаться и крикнул:

– Эй, Лоскутик, неси ведро!

Из темноты лавки с пустым ведром в руках выскочила девчонка.

Обыкновенная девчонка. Нос – лопаткой, да ещё к тому же густо посыпан веснушками. Глаза – зелёные. Тощие рыжие косицы торчат в разные стороны.

Только вот одета она была необычно.

Всё её платье было сшито из разных лоскутьев: больших, маленьких, шерстяных, синих, красных, в полоску.

– Глоточек... – прошептала Лоскутик, уставившись на ведро с водой.

– Ещё чего! – прошипел лавочник.

В этот момент случилось кое-что странное.

Старая лошадь дядюшки Буля, всегда такая унылая и сонная, вдруг резко вскинула голову и заржала.

Мало того, она поднялась на дыбы, насколько позволяли оглобли, и принялась быстро и радостно кивать головой, как будто с кем-то здоровалась. Но и этого мало. Она в изумлении таращила глаза, махала хвостом, трясла гривой и продолжала ржать, как легкомысленный жеребёнок.

Дядюшка Буль даже пролил немного воды на землю.

Это случилось с ним в первый раз с тех пор, как он стал королевским продавцом воды.

Мельхиор покачал головой, взял ведро и понёс в дом.

При этом он делал такие осторожные и бережные шаги, как циркач, который держит на носу шест, а на шесте поднос, уставленный хрустальными бокалами.

Лоскутик вздохнула и поплелась к себе на чердак.

Это был самый обычный чердак. Мебели там никакой не было: всего только куча соломы в углу.

Лоскутик подняла с полу соломинку и принялась её жевать. И вдруг она что-то увидела на чердачном окне.

Трудно даже сказать, увидела она что-нибудь или нет.

Но если считать, что увидела, то на окне сидела лошадь дядюшки Буля, с трудом взгромоздившись на узкий подоконник.

С другой стороны, можно считать, что она вовсе ничего

не увидела, потому что лошадь дядюшки Буля, сидевшая на подоконнике, была совсем прозрачной. Такой прозрачной, что её почти что и не было.

– Воды... – жалобно простонала лошадь.

Лоскутик замерла. Она не могла пошевелить и пальцем.

– Я так и знала... – безнадежно проговорила лошадь и в отчаянии махнула хвостом. – Я знала, всё равно воды не будет. Вместо воды будет открытый рот и глупый вид.

Лоскутик с изумлением увидела, что хвост у лошади исчез. Исчезли и задние ноги.

– Вы... кто? – пролепетала Лоскутик.

Лошадь мягко качнула гривой. Живот её стал совсем прозрачным.

– Я так и знала... – сказала лошадь, с упрёком глядя на Лоскутика, – я знала, когда я буду погибать, мне будут задавать вопросы. Вместо воды – одни вопросы...

Голос её слабел. Лоскутик увидела, что её передние ноги, длинная шея и грива исчезают прямо на глазах.

– Воды... – прошептали лошадиные губы и пропали.

Лоскутик скатилась вниз по лестнице.

Из спальни хозяев слышался дружный храп. Лавочник храпел, как медведь в берлоге, лавочница попискивала, как суслик из норки.

Чтобы быть честным до конца, надо сказать, что Лоскутик задумалась и больно укусила себя за палец, глядя на ведро с водой. Никогда прежде она не осмеливалась сделать и шага к нему без спросу.

Но уже через минуту Лоскутик, задыхаясь, как могла быстро поднималась по лестнице, и вода выплёскивалась из ведра, текла по её голым ногам.

Нисколько не сомневаюсь, мой читатель, что, если бы ты очутился на месте Лоскутика и это у тебя на подоконнике сидела бы грустная прозрачная лошадь и просила напиться, ты бы поступил точно так же.

Лоскутик толкнула дверь коленкой.

На подоконнике никого не было. Прозрачная лошадь исчезла.

Никогда чердак не казался ей таким пустым. Лоскутик стиснула зубы, сжала кулаки, чтоб не зареветь. Всё сразу стало серым, скучным. Лоскутик села на кучу соломы, но тут же вскочила.

Она увидела, что над подоконником плавает один-един-

ственный прозрачный и очень печальный лошадиный глаз.

Видимо, глаз увидел ведро. Он раскрылся пошире, мигнул, в нём сверкнула радость. Покачиваясь, он подплыл к ведру и нырнул прямо в воду.

Ведро как будто ожило. Оттуда послышалось бульканье, бормотание и очень довольное кряхтение.

Через минуту из ведра показалась белая, лёгкая, будто вылепленная из мыльной пены, голова.

Лоскутик разглядела нос лопаткой, широко расставленные глаза, косички, торчащие в разные стороны.

Две белых руки упёрлись в края ведра. Человечек крякнул, поднатужился и сел на край ведра. Натянул белый рваный подол на коленки.

Он кого-то напоминал Лоскутику. Кого-то очень знакомого. Но кого? Лоскутик никак не могла сообразить.

Лоскутик заглянула в ведро.

«Пустое! – изумилась Лоскутик. – Ни капли не осталось. Даже дно сухое...»

– Когда-нибудь испарялась? – задумчиво спросил белый человечек.

– Н-нет... – шепнула Лоскутик.

И вдруг белый человечек дёрнул себя за ухо и плавно взлетел кверху.

Он для этого ничего не делал: не махал руками, даже не шевелил пальцами босых ног. Просто летел себе – и всё.

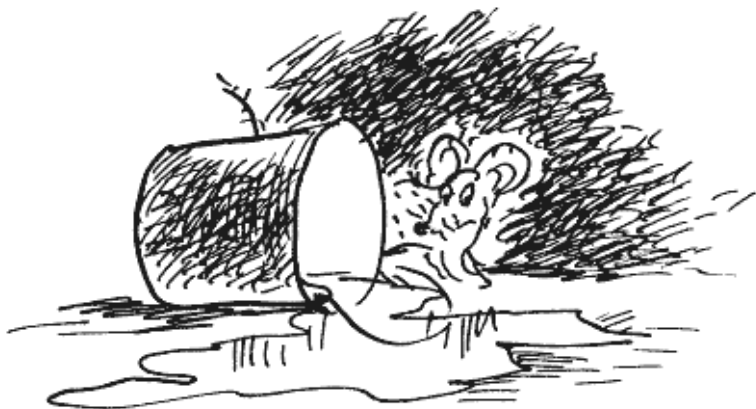
Когда он пролетал над Лоскутиком, лицо её осыпали мел-

кие капли воды.

– Поняла? – спросил он.

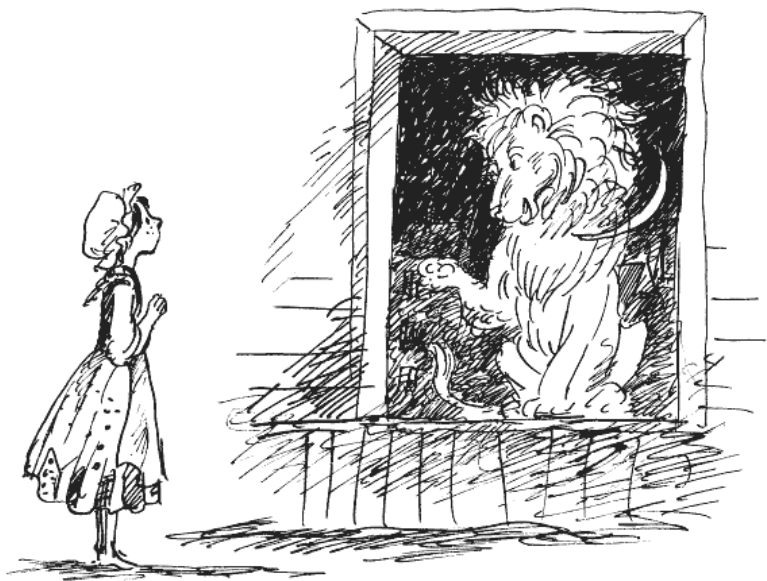
– Не очень, – сказала Лоскутик, которая на самом деле ничего не поняла.

– Облако я, – просто сказал человечек, – обыкновенное Облако.

Глава 3

Белый лев на подоконнике

Стемнело. Из-за черепичной крыши вылез месяц – острые рожки.

Облако сидело на подоконнике, свесив ноги. Месяц сквозь него светил мутно. Таял, как кусок масла в манной каше.

– Ну, поколотят... – бодрилась Лоскутик, поглядывая на

пустое ведро. – Тебе сколько лет? – спросила она у Облака.

– Не лет, а дождей, – поправило её Облако. – Миллион семьсот тысяч шестьдесят три дождя.

– Дождя? – удивилась Лоскутик. – Что это... дождь?

– Не знаешь? – в свою очередь удивилось Облако. – Самое лучшее, а не знаешь. Это когда с неба течёт вода.

– С неба?!

– Ну да.

– Просто так? Не за деньги? – недоверчиво спросила Лоскутик.

– Ага.

– Так не бывает.

– Ещё как бывает. Когда мне исполнилось сто дождей, ого какой бабка устроила мне ливень! Проснулось, а под подушкой что, думаешь? Молния. Это мне бабка подарила.

Каждое облако больше всего мечтает, чтоб ему молнию подарили. А моя бабка – старая Грозовая Туча.

– Грозовая Туча? Ливень? – Лоскутик уже устала удивляться.

– Грозовая Туча – это большое облако, с громом и молниями. Ого! Огреет – не обрадуешься. Весь день будешь летать с рыжими синяками. А ливень – это большущий дождь и непременно чтоб пузыри по лужам.

– Пузыри по лужам... – зажмурилась Лоскутик.

– Прыгают... – Облако даже проглотило слюну.

– У нас так не бывает, – печально сказала Лоскутик.

– Раньше бывало. Какая у вас река была! Добрая, ласковая. Текла через весь город. А ручьи? Славные ребята. Только ничего по секрету им не скажешь. Всё разболтают. А какое болото у вас было! Умное. Всё о чём-то думало. Бывало, всё вздыхает, вздыхает по ночам...

– А куда же всё подевалось?

– Не знаю. И никто не знает. Даже моя бабка, Грозовая Туча, и та только руками разводит. Говорит: «Ничего не понимаю!» Представляешь: река вдруг пересохла ни с того ни с сего. Ручьи пропали. От болота не осталось и мокрого места. Теперь у вас что? Пустыня.

– А королевские сады?

– Так пока туда долетишь, – испаришься. А думаешь, это приятно – испаряться? Нет, теперь в ваше королевство не заманишь ни одно порядочное облако.

– А ты?

– Я – другое дело. – Облако придвинулось к Лоскутику: – В королевском саду живёт мой друг – старая жаба Розитта. Ты бы видела, какая красавица! А уж умница!

– Твой друг... – тихо повторила Лоскутик.

– Думаешь, бабка мне разрешила сюда лететь? Как же! Разгремелась вовсю: «И не думай! Там небо как сковородка. Ты что – облако или отбивная?» А я взяло да улетело потихоньку. Мне так хотелось повидать жабу Розитту... – Глаза Облака почему-то наполнились слезами. – Я старалось не глядеть на мёртвые деревья...

Облако закрыло лицо ладошками. Слезы выдавились между пальцев. Тук-тук-тук! Забарабанили по подоконнику.

– Я напоило семьдесят пять бездомных собак. Двадцать восемь котов и кошек. – Облако плакало всё сильнее.

Со стоном раскачивалось. Даже с острых косичек закапали слезы. Оно всё как-то съёжилось, побледнело. – Напоило старую козу, четырёх ворон и кар... кар... кар... картофельное поле... Я выплакало из себя всю воду. Во мне не осталось ни капли...

– Капает! Капает! Капает! – раздался снизу истошный вопль лавочницы.

Только тут Лоскутик заметила, что дырявый, разохшийся пол чердака весь залит водой.

Две пары ног бешено затопали вверх по лестнице. Бедные старые ступеньки, каждая на свой голос, заохали и застонали.

– Это девчонка! Её надо пс-с!.. Фс-с!.. Кс-с!.. – давилась от злобы лавочница.

– Я её хр-р!.. Вж-ж!.. Пш-ш!.. – хрипел Мельхиор.

– Улетай! – отчаянно прошептала Лоскутик, птясь от двери. – Скорей улетай!

Дверь распахнулась. Лавочник и лавочница застряли в узких дверях.

Луна осветила их. Чёрные рты, руки с хищно растопыренными пальцами.

В конце концов лавочница потеснилась назад, и Мельхиор влетел на чердак. Он сделал несколько яростных шагов к Лоскутику и вдруг замер на месте.

– А-а! – в ужасе завопил он, приседая, сгибая колени.

Он глядел не на Лоскутика. Куда-то мимо неё.

Лоскутик невольно оглянулась.

На подоконнике скромно и благовоспитанно, не обращая ни на кого внимания, сидел великолепный белый лев. Он наклонил голову и белым языком аккуратно вылизывал тяжёлую лапу. Ночной ветерок осторожно играл его густой гривой. Лев лениво зевнул, месяц посеребрил кривые клыки. Небольшая молния вылетела из его пасти и стрельнула в пу-

стое ведро.

Худые коленки лавочницы застучали одна о другую, как деревянные ложки.

Лавочник и лавочница ринулись к двери.

Затрещала несчастная лестница, бухнула вниз дверь, заскрежетал засов, и всё стихло.

Лев на окне глубоко вздохнул.

– Я так и знал, что всё кончится очень плохо, – задумчиво сказал он, глядя в окно на месяц. – Но я этого не хотел. Это всё потому, что люди устроены иначе, чем мы, облака. Вам почему-то обязательно надо, чтобы была крыша над головой. А если крыша дырявая и сквозь неё видны звёзды, вы не успокоитесь, пока не заделаете все дыры до одной... – Лев грустно опустил голову. – А теперь у тебя нет крыши над головой. Твои хозяева сживут тебя со свету. Они начнут тебя поджаривать, устроят тебе хорошенькую пустыню... Ты можешь тихо спуститься по лестнице?

Лоскутик кивнула.

– Я вылечу в окно, – сказал лев, – и буду ждать тебя за углом.

Глава 4

Барбацуца

В этот вечер в королевской кухне царила небывалая, невообразимая суматоха.

Без толку сновали поварята в белых колпаках больше их самих. От их колпаков по стенам метались тени, похожие на гигантские грибы.

В углу всхлипывали и сморкались в кружева пять придворных дам.

Главный повар, человек по натуре очень нервный, капал

из склянки в рюмочку успокоительные капли.

– Когда я так нервничаю, у меня получаются очень нервные супы и взволнованные компоты, – жаловался он сам себе.

Маленький поварёнок толкнул его под локоть. Лекарство взлетело вверх из рюмки.

Главный повар хлопнул поварёнка по его огромному колапаку. Звук получился как от разорвавшейся хлопущки.

Оглушённый поварёнок, моргая, сел на пол.

На кухню один за другим вбежали слуги с золотыми блюдами. Они сообщали ужасные новости:

– Его величество швырнули пирожки прямо в бульон!

– Ничего подобного! Он вылил бульон прямо в блюдо с пирожками!

В довершение всего на кухню ввалилась снежная баба, если только на свете может быть снежная баба, от которой клубами валит горячий пар. Говоря попросту, это был слуга, весь, с головы до ног, облепленный манной кашей.

– Комочки... – сквозь манную кашу, забившую ему рот, еле выговорил слуга.

– Комочки?! – бледнея, повторил главный повар. – Как? Что? Не может быть!

– Я-то при чём? – всхлипнул слуга. С его растопыренных рук пластинами съезжала манная каша и с приятным звуком шлёпалась на пол. – Я подал её. Его величество изволили даже улыбнуться...

– Улыбнуться?! Тебе?!

– Не мне, а каше. Они изволили отправить в рот одну ложку и вдруг как завопят: «Комочки!..» Потом они начали икать, стонать, плевать, вопить и топтать ногами. А потом... – Снежная баба развела руками, указывая на себя.

– Кто варил кашу?

Пять придворных дам засморкались ещё жалобней.

– Где Барбацуца?

– За ней послали девяносто семь голубей, карету, пятерых стражников верхом и капитана.

Вбежал перепуганный слуга:

– Его величество требуют манную кашу. Сейчас же!

Немедленно!

Вбежал ещё один слуга:

– Его величество стучат ложкой по столу!

Главный повар опёрся рукой о плиту и тут же завертелся волчком, хватаясь обожжёнными пальцами за мочку уха.

– Нельзя меня так нервировать! Мои соусы и подливки! Мои пирожные! Им передаётся моё настроение!

– Едут! Едут! – заверещал поварёнок, подскакивая около окна.

По мосту, изогнутому, как спина испуганной кошки, катила карета.

– Её любимую кастрюлю с помятым боком! Её старую поварёшку!

Через минуту двери распахнулись, и в кухню со скоростью

летающего снаряда ворвалась Барбацуца.

Все как-то сразу стали пониже ростом, потому что у всех невольно подогнулись колени.

Барбацуца была тощая, длинная старуха. Один глаз у неё был закрыт чёрной повязкой, что делало её удивительно похожей на морского разбойника. В другом глазу полыхало поистине адское пламя, отчего она сразу становилась похожей на ведьму.

Остальное было не лучше. Длинный нос криво оседлали разбитые очки с закинутой за одно ухо петлей из бечёвки.

Из-под чепца торчали пучки волос, напоминающие перья седой вороны.

Одета старуха была в старый домашний халат, на ногах стоптанные шлёпанцы.

– Лентяйки! Бездельницы! Белоручки!

Придворные дамы разом уткнулись носами в колени.

Только мелко дрожали лопатки.

– Молоко! – рявкнула Барбацуца.

Она опрокинула кувшин с молоком над кастрюлей, щедро поливая молоком раскалённую плиту.

– Соль! Сахар! Крупу! – послышалось из клубов молочного пара.

Всё это Барбацуца тут же, не глядя, бухнула в кастрюлю.

– Дровишек!

Загудело пламя.

Барбацуца взгромоздилась на табуретку. В клубах бело-

го пара мелькнули её локти, зелёные, как незрелые бананы. Барбацуца повыше засучила рукава и старой поварёшкой принялась размешивать кашу.

Пузыри вздувались и оглушительно лопались, как будто в кастрюле началась война. Летела к потолку копоть и чёрными бабочками валилась в кашу.

– Готово, – прошамкала Барбацуца.

Двое слуг с благоговением наклонили кастрюлю. На золотое блюдо потекла манная каша: белая, пышная, как взбитые сливки.

Маленький поварёнок подцепил пальцем повисшую на кастрюле каплю, лизнул палец и зажмурился.

Слуга поднял блюдо над головой и вышел торжественным шагом.

– Дорогая Барбацуца! – растроганно сказал главный повар. – Вы знаете, манная каша – самое любимое блюдо нашего короля. А манная каша, которую варите вы, божественна, бесподобна. Вероятно, вы знаете секрет, как её варить.

– Надоело... – мрачно проворчала Барбацуца, глядя вниз и шевеля пальцами, вылезшими из драной туфли.

– Как – надоело? – изумился и испугался главный повар.

– Я тоже человек... Всю жизнь – манная каша. Без выходящих. Надоело.

– Дорогая Барбацуца, я начинаю волноваться... – с дрожью в голосе сказал главный повар.

– А кто обещал мне помощниц?

– Но... – Главный повар беспомощно указал на придворных дам, уткнувшихся в носовые платки. Можно было подумывать, что носовые платки просто приросли к их носам.

– Эти?! – взвизгнула Барбацуца. – Манную кашу надо хорошенько мешать, размешивать, перемешивать. Вот и весь секрет. А моя поварёшка, видите ли, слишком тяжела для их нежных ручек. Нет, клянусь последней коровой на этом свете, последней каплей молока, я возьму себе в помощницы первую попавшуюся нищенку, побирушку, оборвашку! Только не этих лентяек! Уф! Да тут задохнуться можно!..

Барбацуца по пояс высунулась из окна.

Над королевским садом в пустом небе висел месяц, острый и жёлтый.

Прямо под окном на дорожке, посыпанной мелким пес-

ком, сидела большущая жаба.

Она была похожа на старый потёртый кожаный кошель. Кожа складками сползала на короткие лапы. В лунном свете, как изумруды, сверкали её бородавки.

Вокруг неё чинно сидели шесть лягушат. Их молодые, туго натянутые шкурки блестели.

Старая жаба строго и задумчиво посмотрела на Барбацуцу глазом выпуклым, как стекло фонаря. В горле у неё забулькало.

«Или я выжила из ума и из меня пора засушить сухарей, – подумала Барбацуца, – или эта жаба всё понимает. Давно не видела такой умной физиономии...»

Жаба что-то скрипнула и уползла в шёлковую от росы траву. Лягушата – за ней.

Когда золочёная карета довезла Барбацуцу до её крепкого деревянного дома с голубятней на крыше, городские часы отбили полночь.

Барбацуца увидела около крыльца какую-то скорчившуюся фигурку.

Она разглядела тощую девчонку в тряпье. В широко открытых глазах девчонки повис месяц.

А Лоскутик, потому что это была именно она, увидела страшную одноглазую старуху.

На голове у старухи дыбом торчал чепец, твёрдый, как коробка из-под торта.

– Вам не нужна служанка? – чуть слышно прошептала

Лоскутик.

– Ты бы лучше спросила, не нужна ли мне воровка? – закричала Барбацуца таким страшным голосом, что в окнах соседних домов зашатались огоньки свечей. Барбацуца вытащила Лоскутика из-под крыльца.

– Я не воровка! – вскрикнула Лоскутик, стараясь вырваться из цепких рук Барбацуцы.

– Ах, не воровка! – захохотала Барбацуца. – Шатаешься по ночам около чужого дома – раз! – Барбацуца загнула кривой тощей палец. – Глаза горят – два! – Барбацуца загнула второй палец. – Живот так и распекает песни от голода – три! Хочешь удрать – четыре! Чего же ещё? Ясно, воровка!

Барбацуца, держа Лоскутика за руку, втащила в дом.

Швырнула её на лавку. С грохотом придвинула тяжёлый стол, так что он врезался Лоскутику в живот и припёр к стене.

Затем Барбацуца выхватила из печки целиком зажаренного гуся и шлёпнула его на блюдо, стоящее перед Лоскутиком:

– Ешь!

Налила кружку воды, с маху поставила на стол, расплескав половину:

– Пей!

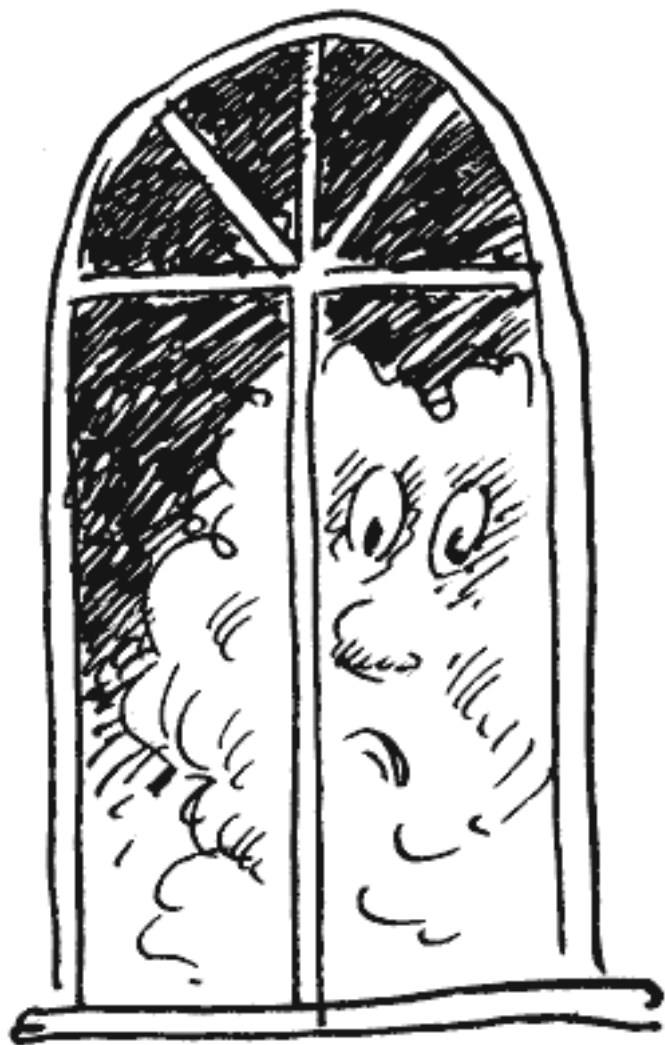
За окном раздался еле слышный вздох облегчения.

Барбацуца подскочила к окну.

Она увидела что-то белое и туманное, прилипшее к стеклу.

– Это ещё кто тут? – рявкнула Барбацуца. – А палки не хочешь?

Но белое и туманное поморгало выпуклыми глазищами, тихо отлетело от окна и исчезло в темноте.

Глава 5

Жаба Розитта

Тебе, мой дорогой читатель, наверно, совершенно непонятно, как это Лоскутик в такой поздний час очутилась под крыльцом Барбацуцы? И откуда она могла узнать, что Барбацуце нужна служанка?

Но наберись терпения, мой читатель! Мы с тобой немного забежали вперёд, и поэтому теперь нам надо вернуться немного назад.

Если ты помнишь, насмерть перепуганные лавочник и лавочница убежали с чердака. После этого Облако спросило Лоскутика, может ли она тихонько спуститься по лестнице. А само вылетело в окно.

Так вот что было дальше.

Лоскутик на цыпочках неслышно спустилась вниз.

Впрочем, она могла бы топтать, как слон, и танцевать дикий танец на каждой ступеньке. Лавочник и лавочница, заперев дверь на все замки и засовы, залезли под кровать и так тряслись от страха, что подушки и одеяла решили, что началось землетрясение.

Итак, Лоскутик благополучно вышла из дома. За углом она увидела белого льва. Лунный луч проходил через Облако, и в животе у него плясали мелкие капли воды.

– А вещи, пожитки? – спросило Облако.

– Нету. – Лоскутик с виноватым видом развела руками.

– Хорошо, – одобрительно сказал Облако. – И у меня никаких вещей. Не понимаю я людей! Отправляются в путь – тащат на себе какие-то узлы, сундуки. Плетутся, уткнувшись носом в землю, ничего не видят кругом... Путешествовать надо налегке. – Облако мягко подпрыгнуло. – Ты знаешь, как пройти к королевским садам?

– Кто же этого не знает?

Они пошли по дороге.

Белый лев шёл медленно. Пожалуй, четырёх лап для него было слишком много. Непослушные белые лапы то и дело

обматывались одна вокруг другой, иногда даже завязывались узлом.

– Я, пожалуй, полечу. Ходок я не из лучших.

Облако упруго, как на пружинах, подпрыгнуло и поплыло рядом с Лоскутиком.

– Я бы сейчас выпило полфонтанчика, – мечтательно вздохнуло Облако. – А почему тебя зовут Лоскутик? Глупое имя.

– За моё платье, – тихо сказала Лоскутик, не глядя на Облако. – Я собираю лоскутья и подшиваю их к подолу и рукавам. Я же не виновата, что мои руки и ноги почему-то всё время растут.

– А о чём думают твои папа и мама, которых всегда полно у вас, у людей?

– Они давно умерли. Я их даже не помню.

– Но маленькие люди не живут одни. С кем ты жила?

– Не «с кем», а «у кого», – сказала Лоскутик. – Я жила у чужих людей. Когда я была совсем маленькая и умела только ползать по полу, меня взяла к себе торговка пуховыми перинами. Она набивала пухом перины и подушки.

Пух летел во все стороны, а я ползала по полу и собирала его. Когда я немного подросла и уже научилась ходить, меня взял к себе богатый мельник. Весь дом у него был засыпан мучной пылью. Я вытирала пыль с утра до ночи. Когда я ещё подросла, я попала к торговке жареной печёнкой. Целые дни я тёрла песком жирные сковородки. Но торговка выгнала ме-

ня. Она сказала, что я стащила кусок печёнки. А на самом деле печёнку украл её сынишка – обманщик и обжора. Тогда меня взял к себе жадный трактирщик. Я прислуживала его гостям и носила тяжёлые кружки с вином. Но однажды я уронила кружку и разбила. И тогда трактирщик...

– О!.. О!.. – услышала Лоскутик позади себя.

Она оглянулась.

Облако сидело в пыли, прямо на дороге, маленькое, сморщенное, и обливалось слезами.

– Я так и знало, что всё кончится очень плохо, – тряслось оно в лунном свете. – Зачем, зачем ты мне это рассказала? Чтобы я заплакало из себя последнюю воду? Да?

Лоскутик осторожно, обеими руками подняла Облако.

Оно было легче перышка. Ещё дёргая носом и горько всхлипывая, Облако обмоталось вокруг её шеи. У Лоскутика по спине, между лопатками, потекли струйки воды.

Теперь Лоскутик шла медленно, часто спотыкаясь. Она плохо видела. Облако наползало ей на глаза.

Что-то стучало возле её левого уха.

«Его сердце...» – подумала Лоскутик.

Они прошли через площадь Одинокой Коровы. Было тихо. Только в лавке Великого Часовщика в такт мелодично тикали все часы – большие и маленькие, чтобы убаюкать старого мастера.

Чем ближе они подходили к королевскому парку, тем выше становились дома по обе стороны улицы.

Дома были с балконами, башенками и флюгерами.

В некоторых окнах даже виднелись горшки с цветами.

Это были дома богачей.

В этом городе так и определяли богатство: сколько горшков с цветами стояло на окнах.

В этом городе говорили:

«Вы слышали, моя дочь выходит замуж за очень богатого человека... Вот счастье привалило! Вы только подумайте, у него семь горшков с цветами!»

«Главный тюремщик всё богатеет, у него уже одиннадцать горшков с розами!»

«Этот чудак, старый мастер зонтиков, вконец разорился. Вчера у него завяла последняя маргаритка. Бедняга, ему не на что было купить воды, чтобы её полить...»

Наконец улица кончилась. Лоскутик вышла на дворцовую площадь.

– Ох, пыли наглotalось... – простонало Облако. – Не могу больше. В горле так и жжёт. Ну, скоро королевские сады?

– Мы уже пришли. Вот они, – тихо сказала Лоскутик. – Смотри. Там всё другое. Как в сказке.

За тяжёлой чугунной оградой стеной стояли деревья, серебряные с одного бока. Из травы поднимались цветы.

Как живые, в лунном свете шевелились фонтаны.

Облако, скользнув по шее Лоскутика, перевалило через ограду и, пригнув струи воды, нырнуло в ближайший фонтан.

Послышалось бульканье, как будто на дно фонтана опустили огромную пустую бутылку.

Потом Облако, большое, пышное, выкатилось из воды и развалилось на росистой траве, с наслаждением поворачиваясь с боку на бок.

– Иди сюда, Лоскутик! – позвало оно разнеженным голосом.

– Ты же знаешь! – Лоскутик попятилась от ограды. – Бульдоги! Сад сторожат бульдоги!

– Подумаешь, буль-буль-бульдоги! – беспечно пробормотало Облако.

Через газон, задними ногами откидывая росу, мчались десять раскормленных квадратных бульдогов.

Облако дёрнуло себя за ухо и взлетело на ветку. Село прямо на птицу. Птица залилась ещё слаще, раздувая горло, хотя и очутилась прямо в животе Облака. Облако вытащило откуда-то носовой платок, встряхнуло за один угол и отпустило. Белый носовой платок, покачиваясь туда-сюда, поплыл в темноту.

Бульдоги между тем сунули слюнявые морды между прутьев решётки и жадно зарычали, разглядывая Лоскутика.

– Мяу-у! – раздался сахарный тонкий голосок.

От этого «мяу» бульдоги разом вздрогнули, выдернули морды, застрявшие между прутьями, и резко отскочили назад. Лоскутик увидела десять хвостов-обрубков, дрожащих мельчайшей злобной дрожью.

На круглом газоне стояла пушистая белоснежная кошка, изогнув упругую спинку. Одну лапу, как и подобает уважающей себя кошке, брезгливо подняла, стряхивая каплю росы.

Облако, сидевшее на ветке, одобрительно посмотрело на кошку.

– Мяу-у-у! – ещё слаще пропела кошка и исчезла в тени.

Бульдоги, хрюкнув от такого невиданного оскорбления, бросились за ней.

– Это мой носовой платок! – вздохнуло Облако. – Такой талантливый! Ну, теперь иди сюда.

Лоскутик с опаской протиснулась между прутьями ограды.

– Не бойся, не бойся... – Облако повело её в глубь сада.

На каменной скамье, около широкой вазы, полной тёмной воды, сидела большущая жаба. От старости тяжело дыша, выпучив глаза, глядящие в разные стороны.

– Жаба Розитта! – вскрикнуло Облако и навалилось на жабу.

Жаба Розитта растроганно моргала.

Облако обнимало жабу, целовало между глаз.

Потом уселось рядом. Жаба Розитта закашляла, заскри-

пела, как старое дерево:

– Кхи... Кри... Ква... Крр... Кви... Фрр... Хрр... Кхх...
Ква...

– Вот оно что! Ну и дела! – тихо ахало Облако, слушая жабу Розитту. – Ну и король! Что надумал! Присвоить себе воду. Самое нужное, самое лучшее, самое красивое...

Лоскутик с удивлением смотрела на Облако. Оно раздалось вширь, стало круглым. Рот растянулся до ушей. Глаза выпучились и разъехались в разные стороны. Облако стало похоже на жабу Розитту.

В траве тайно переквакивались лягушата. Прыгали прямо через лапы Облака.

В каменной вазе в воде висели головастики. Таращили чёрные глазки с булабочную головку.

Жаба Розитта строго постучала по вазе – головастики тут же гвоздиками попадали вниз.

– Я так и знало, что всё кончится очень плохо... – грустно сказала Облако. – Всё-таки у человека была крыша над головой. Хоть какая-то, а была. Что теперь делать, посоветуй, жаба Розитта?

Жаба Розитта внимательно оглядела Лоскутика выпуклым глазом, мигнула. Лоскутик от смущения опустила голову.

Жаба Розитта что-то сипло забормотала, закашляла.

– Пожалуй, это мысль, – задумчиво сказала Облако и повернулось к Лоскутику: – Тут одна повариха ищет себе слу-

жанку. Нужно только, чтобы ты первая попалась ей на глаза.

Глава 6

День рождения

Лоскутик сидела, прислонившись спиной к шести пышным подушкам.

Колени её укрывали три пуховых одеяла. На животе стояло блюдо со сладкими пирожками. А рядом на скамеечке торт, в котором, потрескивая, горели десять свечек.

Лоскутику было жарко и душно. Она без всякого удоволь-

ствия надкусила восьмой пирожок и стала облизывать липкие пальцы.

Уже две недели она жила у Барбацуцы.

Каждое утро Барбацуца ощупывала Лоскутика: тискала руки и ноги, мяла бока, тыкала пальцем в живот.

– Почему не толстеешь? – рычала Барбацуца. – Где румяные щёки, пухлые ручки, растопыренные пальчики и хоть тоненький слоёк жирка? Мне нужна служанка, а не щепка. Ты утопишь в кастрюле мою поварёшку. Разве я могу доверить мою поварёшку веретену, зубочистке, вязальной спице?

Лоскутик старалась есть побольше, но только худела с каждым днём.

Дело в том, что за всё это время Облако ни разу к ней не прилетало.

«Неужели оно забыло про меня, улетело навсегда и я его больше никогда не увижу? Теперь у него есть жаба Розитта. Наверно, я ему больше не нужна».

Вот от этих-то мыслей она и худела.

– Любопытно было бы узнать, сколько лет такому заморышу? – спросила однажды утром Барбацуца, заставив Лоскутика съесть целую сковородку котлет.

– Не знаю, – испуганно мигнула Лоскутик.

– Как это «не знаю»? Когда твой день рождения?

– Не знаю... Кажется, его у меня нет.

– Как это «нет»? – пришла в ярость Барбацуца. – Если у тебя нет дня рождения, выходит, ты не родилась. Тогда тебя

вообще нет. Думаешь, я соглашусь платить жалованье служанке, которой нет. Ловко устроилась, ничего не скажешь. Нет, моя милая, меня не проведёшь. Хочешь ты или нет, у тебя будет день рождения. Сегодня же! Сейчас же!

Барбацуца, тяжело дыша, замолчала, задумалась.

– Как лучше всего такой лентяйке отпраздновать день рождения? Ясно! Ничего не делать, валяться в постели и лопать сладости!

Вот так Лоскутик и очутилась в постели под тремя одеялами, с блюдом сладких пирожков на животе.

А Барбацуца, ругаясь на чём свет стоит, полезла на голубятню задать голубям корму.

Лоскутик с тоской надкусила одиннадцатый пирожок и вдруг поперхнулась и закашлялась.

В окно влетело Облако.

Лоскутик даже не сразу его узнала.

На этот раз Облако было похоже на большущего белого филина с двумя широкими крыльями. Несколько белых перьев, кружась, упали на пол, пока Облако протискивалось в слишком узкое для него окошко.

Облако уселось на спинку кровати, задумчиво наклонило голову набок, помигало круглыми глазами.

Лоскутик кашляла и смеялась от радости – всё вместе.

– Надо бы постучать тебя по спине, так, кажется, делаете вы, люди, в таких случаях, – озабоченно сказала Облако. – Но если я постучу, ты даже не почувствуешь.

– Ой, это ты! Здравствуй, – еле отдышавшись, сказала Лоскутик. – Как я рада!

Облако подлетело к Лоскутику. Все десять свечей по-мышиному пискнули и погасли.

– Какая гадость! – сердито воскликнуло Облако, мягко взмахивая крыльями и прыгая на одной лапе. – Я чуть не закипело.

– Больно? Очень больно? – испугалась Лоскутик.

– Ничего. Одна лапа будет покороче, и всё, – махнуло крылом Облако.

– Ты летало к филину, – догадалась Лоскутик.

– Откуда знаешь?

– По тебе видно.

– Правда. – Облако оглядело себя, вздохнуло. – Болтало с ним до утра. Не могу долго быть одним и тем же.

Мне всё время хочется меняться, превращаться. Удивляюсь на людей: как это им не надоедает всегда быть одинаковыми! Скучотища. Я бы на твоём месте каждый день в кого-нибудь превращалось.

Но Лоскутик только молча вздохнула.

Облако взобралось Лоскутику на одеяло.

– Почему так долго не прилетало? – жалобно спросила Лоскутик.

– Дело было, – солидно сказала Облако. Оно наползло на Лоскутика, зашептало ей в ухо, мелко брызгая холодными каплями. – Жаба Розитта открыла мне ого какую тайну! Ко-

гда она мне это рассказала, я сделало себе сто ушей и слушало сразу всеми. Вот что: каждую ночь, когда дворцовые часы пробьют три раза, ручьи в королевском парке начинают бурлить, пруды выходят из берегов, фонтаны бьют до самого неба. Но почему это? Откуда эта вода? Никто, никто не знает. Я расспросило летучих мышей. Жаба Розитта лазила под землю к кротам. Во всём парке не сыщешь ни одного дождевого червя, с которым бы я это не обсудило. Но никто ничего не знает. Даже Ночной Философ...

Послышалось шарканье ног по ступенькам лестницы и злобное бормотание. Облако неловко полезло под кровать.

В комнатушку ворвалась Барбацуца.

– Почему всё не съела? Свечки почему потушила? Одеяло почему мокрое?

Лоскутик увидела на полу два белых перышка и кончик крыла, торчащий из-под кровати, да вся так и вспотела от страха.

Барбацуца посмотрела на Лоскутика и удовлетворённо хмыкнула.

Дёрнула за косу и пошла из комнаты. С порога обернулась и запустила прямо в Лоскутика серебряной монетой.

– Завтра купишь себе новое платье. Мне надоели твои лохмотья.

– У, кипяток, утюг горячий, сковородка! – пробормотало Облако, когда Барбацуца хлопнула дверью.

Облако вылезло из-под постели. Теперь оно было вытяну-

то в длину, болталось в воздухе, как полотенце. На голове – чепец, нелепо торчащий дыбом, на носу – мутные белые очки.

– А собственно говоря, чего ты лежишь в постели? – осведомилось Облако.

– Оказывается, у меня сегодня день рождения, – объяснила Лоскутик.

– День рождения. Это хорошо, – задумчиво сказала Облако. – Хотя всё ещё может кончиться очень плохо. Но опять-таки это не значит, что надо лежать в постели. Терпеть не могу жаркие подушки и одеяла. Ну-ка давай вставай!

– Убьёт, – печально сказала Лоскутик.

– Гм... Может, она уйдёт куда-нибудь?

– Уйдёт... Как же... Она уходит, только когда за ней посылают голубей. Голуби сидят во дворце в клетках. Когда король хочет манной каши, их выпускают и они летят к Барбацуце на голубятню. Вот она и уходит.

– Голуби? – печально повторило Облако. – Так ты говоришь – голуби?

К изумлению Лоскутика, Облако не спеша стянуло со своей головы чепец и хладнокровно разорвало его пополам.

Из половинок чепца получилось два вполне приличных белых голубя.

Один сел на железную спинку кровати и стал чистить пёрышки. Другой даже попробовал клевать крошки торта.

Облако развязало тесёмки передника, разорвало его на

куски. Из передника вышло ещё семь отличных голубей.

Большой белый голубь, выгнув грудь, воркуя, стал ходить за белой голубкой.

Облако скинуло с ног тапки – с пола взлетели ещё два голубя.

– Не скажешь, что это курицы, верно? – спросило Облако.

– Не скажешь! – с восторгом согласилась Лоскутик.

– Кыш! Кыш! – замахало длинными руками Облако.

Голуби, беззвучно махая крыльями, вылетели в окно и закружились над крышей.

– Проклятье! – взревела со двора Барбацуца. – Опять! Опять подавай ему манную кашу! Ведь только утром сварила целый котёл. И даже карету за мной не прислали! Ну погоди, главный повар, я пропишу тебе капельки!

– Ушла! – через минуту возвестило Облако. – Вылезай из постели, хватит. Теперь мы будем праздновать день рождения по-облачному.

Глава 7

Двенадцать белых покупателей в лавке Мельхиора

– Да, а где же монета? – вспомнила Лоскутик. – Кажется, она закатилась – под кровать. Я слышала, как она звякнула.

Лоскутик слезила под кровать, разыскала монету. Подкинула её на ладони:

– Подумать только! За одну такую кругляшку можно купить целое платье.

– Купить... – Облако с обидой посмотрело на неё, печально покачало головой. – Ни одно облако ещё никогда ниче-

го не покупало. Все люди вечно что-то продают, покупают. А мы – никогда. Знаешь, как обидно! Так хочется хоть разок быть покупателем. А ведь мне тоже надо кое-что купить. Очень-очень надо.

– Нет, я куплю платье, – испугалась Лоскутик.

– Жадничаешь? – Облако нахмурилось и немного приподнялось над полом. В животе у него сердито заворчал гром. – С жадинами не дружу!

– Что ты, бери, я так, – поспешно сказала Лоскутик.

Облако мягко, большими скачками запрыгало по комнате, дрожа, как желе. Захлопало в ладоши. Очки сползли на самый кончик носа.

– Я куплю краски. Коробку красок. Я буду первое Облако-покупатель!

– Может быть, ты в кого-нибудь другого превратишься? – жалобно попросила Лоскутик. – Хотя я знаю, что ты – это не Барбацуца, всё равно мне как-то не по себе...

– Превратиться? С превеликим удовольствием, – охотно согласилось Облако.

Оно дёрнуло себя за ухо и взлетело к потолку. Разделилось на части. С потолка мягко спустилось одиннадцать белых кудрявых пуделей и одна дворняжка. У дворняжки было только одно ухо – видимо, на второе ухо Облака просто не хватило.

– В путь! – весело тявкнула дворняжка. Наверно, она была из них самая главная. – Мы пойдём в лавку к Мельхиору. Я

что-то по нему соскучилась.

– Ни за что! – замахала руками Лоскутик.

– С трусами не дружу! – обиженно твякнула дворняжка, и все двенадцать собак, семеня лапами, взлетели в воздух. – И вообще, что я ни скажу, ты всё: «Нет! Нет!»

Лоскутик не посмела больше спорить.

Они вышли на улицу.

Одиннадцать пуделей и дворняжка резво бежали по улице, деловито обнюхивая тумбы и заборы. Лоскутик с убитым видом плелась за ними.

Прохожие останавливались, оборачивались, долго смотрели им вслед.

Чем ближе подходили они к лавке Мельхиора, тем хуже становилось Лоскутику.

Сначала у неё разболелась голова, потом стало стрелять в ухо. Она семь раз чихнула, а нижняя челюсть начала отплясывать такой танец, что Лоскутику пришлось ухватиться за щёку рукой.

– Зубы болят? – с сочувствием спросила дворняжка. – Однажды у меня тоже вот так разболелись зубы. Ноют и ноют. Просто лететь не могу. Что делать? Но я не растерялась. Тут же превратилась в лодку с парусом. А как известно, у лодки с парусом нет зубов. А раз нет зубов, то и болеть нечему. Жаль, что ты никак не можешь превратиться в лодку с парусом...

Но Лоскутик не слушала болтовню дворняжки.

В конце улицы показалась лавка Мельхиора. Тут одна но-

га у Лоскутика почему-то перестала сгибаться, и Лоскутик принялась отчаянно хромать.

Потом у неё так скрючило руку, что она просто не могла её поднять, чтобы толкнуть дверь в лавку.

Но делать было нечего. Двенадцать собак стояли рядышком и влажно дышали ей на голые ноги.

Колокольчик над дверью беспечно и радостно пропел короткую песенку, ведь ему было всё равно, кто открывает дверь.

Лоскутик ещё надеялась, что в лавке никого не будет.

Но ей не повезло. На её несчастье, Мельхиор и его жена были в лавке.

Они так и остолбенели, когда Лоскутик вошла в дверь.

Они были удивительно похожи на kota и кошку, которые застыли на месте, увидев, что наивный мышонок сам идёт к ним в лапы.

– Пожалуйста, коробочку кра... – начала Лоскутик и даже не смогла договорить.

Лоскутик выронила серебряную монету. Монета покати-лась по прилавку, делая круг. Лавочница быстро накрыла её ладонью, как бабочку или кузнечика.

В ту же секунду Мельхиор крепко схватил Лоскутика за руку.

Лоскутик завертелась, стараясь вырваться.

Если бы она могла оставить Мельхиору руку, как ящерица оставляет свой хвост, она бы это непременно сделала, да-

же если бы у неё не было никакой надежды отрастить себе новую.

Она дёргалась изо всех сил, но Мельхиор держал её крепко.

– Пустите! – закричала Лоскутик.

– Какая наглость... – прошипела лавочница.

– Жена, принеси плётку. Она висит за дверью, – ухмыльнулся Мельхиор.

Но лавочница не успела сделать и двух шагов.

В эту минуту в лавку не спеша, одна за другой, вошли двенадцать белых собак.

В тёмной лавке как-то сразу посветлело от их белоснежной шерсти.

– Здравствуйте, – небрежно кивнула хозяевам дворняжка, даже не взглянув на Лоскутика.

Собаки принялись внимательно разглядывать товары, выставленные на полках.

– Не купить ли нам дюжину чашек? – спросил белый пудель с пушистой кисточкой на хвосте.

– Или ножницы – подстригать шерсть?

– Может быть, сотню булавок?

– Ах да! Не забыть бы щётки и расчёски! В прошлый раз мы забыли их купить.

Нет, собакам положительно нравилось разыгрывать из себя солидных покупателей.

– Впрочем, все чашки в этой лавчонке битые, – высоко подпрыгнув, презрительно твякнула дворняжка.

– А ножницы – тупые! – подхватил пудель с кисточкой на хвосте, взлетая к самой верхней полке.

– Булавки гнутые!

– Что за дрянная лавчонка! Все расчёски без зубьев!

Двенадцать собак подошли поближе и оскалили белые зубы.

Зубы были такие белые, как будто все собаки аккуратно чистили их зубным порошком утром и на ночь, не пропуская ни одного дня.

– А, вспомнила, – твякнула дворняжка, – нам нужны краски!

– Краски! – зарычали разом все собаки, поставив двадцать четыре белые лапы на прилавок.

Лавочница тут же упала в обморок.

Лавочник выпустил руку Лоскутика и, весь дрожа, покорно полез на полку, посыпая упавшую жену чашками, блюдами, булавками, расчёсками и ножницами.

Он положил на прилавок коробку с красками. Было ясно, что сейчас он безропотно отдаст все товары, до последней иголки.

Надо признаться, что Лоскутик не стала особенно задерживаться в лавке. Голова, руки и ноги у неё почему-то перестали болеть, чихать она тоже перестала, и, схватив краски, Лоскутик вихрем вылетела на улицу.

Глава 8

День рождения по-облачному

– Теперь куда? – спросила Лоскутик.

– Увидишь, – твякнула дворяжка.

Пробежав мимо кособоких домишек, державшихся только потому, что они никак не могли решить, на какую сторону им завалиться, собаки привели Лоскутика на сухое картофельное поле.

– Познакомься, – с достоинством сказала дворяжка. – Это мой друг. Бывшее картофельное поле.

Но Лоскутик с оторопелым видом только молча смотрела

на сухие грядки.

– Ну кланяйся же, – сердито шепнула ей дворняжка, – скажи что-нибудь... Скажи, что рада познакомиться...

– Здравствуйте! – Лоскутик растерянно поклонилась картофельным грядкам. – Я очень рада...

Все собаки подбежали к дворняжке и, путая лапы и головы, стали сливаться вместе во что-то одно белое и непонятное, из чего постепенно вылепилась голова с двумя косицами и широким носом, толстый живот со связкой ключей на поясе, напоминающий живот Мельхиора, и кривые ноги с торчащими коленками – точь-в-точь ноги лавочницы.

– Ну, теперь огорчи меня чем-нибудь, – вздохнуло Облако, – мне сейчас надо как следует огорчиться.

– Огорчиться?! – удивилась Лоскутик.

– Ой какая ты скучная! – нетерпеливо воскликнуло Облако. – Ну конечно, огорчиться, а то как же? Тогда я заплачу и пойдёт дождь.

– Но я не хочу тебя огорчать! – взмолилась Лоскутик. – И мне не нужно этого... ну, твоего дождя. Я не знаю, какой он.

– Кончай болтать! – нетерпеливо гроыхнуло Облако. – Давай огорчай!

– Но я не знаю, как, – растерялась Лоскутик.

– А всё равно. Ну хотя бы скажи: «Я тебя не люблю!»

– Я тебя не люблю... – послушно повторила Лоскутик.

– Что?! – Брови Облака поднялись и сошлись на лбу уголком. Облако моргнуло, слезы так и потекли из его глаз. – Я

так и знало, что всё кончится очень плохо. Но я надеялось... Думало, мы на всю жизнь...

Облако взмыло кверху. Лоскутик попробовала удержать его за ноги, но ухватила только мокрую пустоту.

– Постой! – крикнула Лоскутик. – Ты же само сказало, чтобы я это сказала!

– А ты бы не говорила! – гулко всхлипнуло Облако, поднимаясь ещё выше.

– Имей совесть! Я же не знала, что ты огорчишься!

– Нет, знала. Я же тебе сказало... о... огорчай... – Голос у Облака стал похож на эхо, ветер нёс его куда-то мимо Лоскутика.

– Так я же понарошку сказала! Не по-правдашнему!

Но Облако уже не отвечало. Оно вытягивалось, таяло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.